

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

В. Г. Голубцов*

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И СМЫСЛ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ЛОГИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И ЗАДАЧИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Автор изучает генезис и современное понимание добросовестности в позитивном праве и в сфере правоприменения. Обращаясь к законодательным новеллам, автор указывает, что принцип добросовестности в гражданском праве опирается не на этические нормы как таковые, а на закрепленные в законе равенство участников гражданского правоотношения и свободу их волеизъявления. Утверждается, что суд, формируя новые правоприменительные подходы в указанной сфере, должен исходить из того, что понятие добросовестности имеет исключительно правовое содержание и соотносимо с понятием «смысл гражданского законодательства», а применение принципа добросовестности должно быть основано на объективных, а не субъективных стандартах. Автор также исследует разные формы неправомерного поведения в гражданском праве и обосновывает необходимость разграничения недобросовестного и злоупотребительного поведения в правоприменительной деятельности на основе использования понятия «смысл законодательства».

Ключевые слова: принцип добросовестности, дискреция суда, смысл законодательства, злоупотребление правом

Революционная по сути, но изначально не столь заметная широкой юридической общественности идея о добросовестности в гражданском праве крепко укоренилась в доктрине и в настоящее время стала оказывать заметное влияние на правоприменение. Однако имплементация легальных установок в правовую материю оказалась достаточно сложной в силу ряда причин. Одна из них – отсутствие надлежащей теоретической базы и, как следствие, низкая практическая востребованность такого правового понятия, как «смысл законодательства».

Официально норма о добросовестности вступила в действие с 1 марта 2013 г. на основании Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». На самом деле принцип добросовестности существовал в гражданском законодательстве и ранее, не ограничиваясь нормами о субъективном стандарте вещного права. Речь идет о п. 2 ст. 6 ГК РФ, согласно которому «при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются

* Голубцов Валерий Геннадьевич – заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь), доктор юридических наук, профессор, e-mail: predprim.pravo@gmail.com.

исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости». Заметим, однако, что эта норма фактически не использовалась правоприменителем.

Такая же судьба вполне могла ожидать новую норму о добросовестности, закрепленную в п. 3 ст. 1 ГК РФ, согласно которой «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно». Однако подобного не произошло, поскольку правосполнительная и конструктивная роли принципов гражданского законодательства к моменту легального закрепления принципа добросовестности уже были осознаны цивилистической наукой.

Изначально возникшие и во многом объяснимые сомнения по поводу возможности активного применения принципа добросовестности на практике сменились попытками сформировать понятные правовые позиции в указанной сфере. При этом чтобы отказаться от сложившихся стереотипов, связанных с рассмотрением добросовестности как неюридической категории, а также «разложить по полочкам» новые законодательные ходы, реализованные в специальных нормах ГК РФ, и соотнести их с уже имеющимися нормативными решениями, необходимо время. Принципиально важным в связи с этим видится уяснение ключевых позиций учения о добросовестности объективной и субъективной, а также осознание соотношения недобросовестного и злоупотребительного поведения, которое установил законодатель в последней редакции ст. 10 ГК РФ.

Наконец, в свете п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 25), закрепившего право суда самостоятельно признавать недобросовестным поведение участника гражданского спора, даже если об этом не просила противоположная сторона, а также выносить на обсуждение обстоятельства, которые, по мнению суда, явно свидетельствуют о таком недобросовестном поведении, надлежит принять решение по актуальной процессуальной проблеме, связанной с дискрецией суда в этом вопросе.

Значимыми становятся неформальное обращение правоприменителя к актам конституционной юстиции, судебное толкование необходимых оценочных понятий, наполнение принципов гражданского законодательства соответствующим содержанием с учетом общего смысла гражданского законодательства и фактических обстоятельств дела. В этом контексте справедливо утверждение о том, что «добросовестность заставляет работать судью»¹. Как представляется, уместно говорить о том, что это та норма, которая делегирует «компетенцию судам

¹ *Егоров А. В.* Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal insight. 2013. № 2. С. 5; *Берлин А. Я.* Критерий добросовестности в судебной практике в свете п. 1 Постановления Пленума ВС РФ № 25 // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 1. С. 54–62; *Коновалов А. В.* Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 4–14; *Дождев Д. В.* Совершенствование правоприменения новой части Гражданского кодекса: общие принципы в теории и судебной практике. 2017 // СПС «КонсультантПлюс»; *Бевзенко Р. С.* Принцип добросовестности в гражданском праве России в свете реформы гражданского законодательства // Летняя школа мастеров МГУ. Принцип добросовестности в гражданском праве России в свете реформы Гражданского кодекса. 2016. 26 авг. URL: <http://lfacademy.ru/lfacademy/course/46725> (дата обращения: 15.07.2019); *Нам К. В.* Принцип добросовестности: система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 28–75; *Аносов М.* Когда добросовестность подменяет закон: статья 10 ГК РФ в правоприменении // ЭЖ-Юрист. 2019. № 32. URL: <https://www.eg-online.ru/article/404501> (дата обращения: 15.07.2019).

развивать право, уточнять, конкретизировать, дополнять право»¹. Несмотря на категоричность последнего утверждения, оно не ново, однако до появления в законодательстве принципа добросовестности эти функции суда не были активно востребованы доктриной.

Необходимость определить критерии добросовестного поведения при осуществлении гражданских прав, которые должна сформулировать судебная практика, очевидно настала. Высказано предположение о том, что развитие принципа добросовестности будет происходить «в кассационной практике ВС РФ и окружных судов в течение последующих лет в виде накопления массива стандартов, отражающих объективную добросовестность в различных ее проявлениях»². Но нельзя не учитывать, что это вопрос не только реализации принципа добросовестности в судебной практике. Это часть более объемного и пока недостаточно разработанного доктриной вопроса о связи законодательного смысла и способности судебной практики в процессе правоприменения уяснить этот смысл. Вопрос не самый легкий как в теоретическом, так и практическом отношении. До появления принципа добросовестности в гражданском законодательстве он редко привлекал внимание доктрины, но сейчас ситуация изменилась.

Позитивная норма не во всех случаях способна учесть особенности фактических обстоятельств. Нередко судам приходится дополнять и даже корректировать содержание нормы права. Процесс этот сложен, и дело не только в невозможности суда отступить от догмы, но и в необходимости вовлечения в правоприменение так называемых норм с открытой аргументацией. В их числе – нормы, держащие основные начала гражданского законодательства, оценочные понятия. В этом же ряду стоит понятие «смысл законодательства».

Как гласит одно из общеизвестных латинских выражений, знание *законов* заключается не в том, чтобы помнить их слова, а в том, чтобы понимать их *смысл* (*Scire leges non hoc est verba earum tener sed vim ac potestatem*)³. Сегодня это подзабытое выражение может обрести новое прочтение благодаря как раз радикальному изменению законодательных установлений, относящихся к критериям добросовестного или недобросовестного гражданско-правового поведения.

Считается, что категория «смысл законодательства» появилась в 1923 г. не без усилий дореволюционных юристов, не рассматривавших применение закона в отрыве от его толкования⁴. Произошло это с принятием Гражданского процессуального кодекса РСФСР, из ст. 4 которого следовало, что «за недостатком узаконений и распоряжений для решения какого-либо дела суд решает его, руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой Рабоче-Крестьянского Правительства». Юридическим прообразом категории «смысл законодательства» стало понятие «общая политика Рабоче-Крестьянского Правительства». Понимая чрезмерную обобщенность и абстрактность этой категории, Гражданская кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР издала инструктивное письмо, вносящее уточняющие требования к правоприменителям. Из него следовало, что «в случае необходимости разрешения спорного вопроса на основании общих начал советского законодательства и общей политики рабоче-крестьянского правительства суд должен, не ограничиваясь одной толь-

¹ Аносов М. Указ. соч.

² Берлин А. Добросовестность в гражданском праве // ЭЖ-Юрист. 2017. № 17–18. С. 7. URL: <https://www.eg-online.ru/article/343114/> (дата обращения: 15.07.2019).

³ Латинские юридические изречения / сост. Е. И. Темнов. М., 2003. С. 344.

⁴ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (1923 г.). Памятники права // Вестник Московского государственного университета им. О. Н. Кутафина. 2015. № 3. С. 196–213.

ко ссылкой на эти основания, подробно изложить в решении, на какой именно общей политике правительства он основывает свое решение, так как без этого подробного изложения решение остается голословным, то есть необоснованным, при полной невозможности проверить правильность таких общих ссылок»¹.

Попав единожды в ряд таких понятий, как «общие начала», «добросовестность», «справедливость» и «разумность», относящихся к сфере правосполнения, понятие «смысл законодательства» надолго оказалось функционально урезанным.

Вместе с тем современное законодательство уже не раз давало повод для более активного использования этого понятия. Однако практика, за редким исключением со стороны высших судебных инстанций, этот повод не замечала. Так, введение в ст. 10 ГК РФ правила об обходе закона вполне ясно ориентировало суды на учет смысла всего гражданского законодательства. Целью установления данной нормы является недопустимость признания поведения лица правомерным, если оно при осуществлении своих прав желает обойти императивные правила нормы, формально не нарушая саму норму. Это положение, как думается, непосредственно направлено на развитие действующего правопорядка, который стремится исключить неупорядоченность в имущественных и личных неимущественных отношениях.

Очередной повод правоприменителю дает появление принципа добросовестности. Однако и в этот раз комментаторы продолжают искать и находить внешние причины правоприменительных трудностей. Так, отмечено, что «неопределенность правоприменения института добросовестности в России обусловлена, прежде всего, отсутствием структурированно-кодифицированных норм, а также отсутствием необходимых деловых обычаев, которыми руководствовались бы суды при принятии решений»². Можно заметить, что авторы, говоря об отсутствии «структурированно-кодифицированных норм» и «необходимых деловых обычаев», опирались на концепцию общего права.

Есть еще одна веская причина нечастого обращения к понятию «смысл законодательства». Как отмечал М. М. Винавер, использование таких универсальных понятий – это процесс, «составляющий саму душу применения норм», он был, есть и навсегда останется искусством. «Но это искусство... должно вступить в тесный союз с наукою. Наука должна пойти к нему на службу: она укажет приемы и материал для определения тех самых основных экономических, этических, социальных побуждений, из рамок которых никакое юридическое творчество выйти не может, с которым оно вынуждено считаться»³.

Немаловажным подспорьем в понимании смысла современного законодательства, цели принятия той или иной нормы можно считать упомянутое Постановление № 25. В нем установлено, что положения ГК РФ, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права, подлежат истолкованию в системной связи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в ст. 1 ГК РФ. Для этого необходимо исходить из того, что совокупность основных начал гражданского законодательства образует его консолидированную идею, отражающую итоговую законодательную мысль.

¹ Еженедельник советской юстиции. 1926. № 1.

² Шикин С. А., Павлова К. П. Принцип добросовестности (*bona fides*) в корпоративных правоотношениях // Россия и мир в поисках новых решений: экономика, право, гуманитарные науки: докл. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Ф. Л. Шарова. М., 2017. С. 263–271.

³ Винавер М. М. Из области цивилистики. Недавнее (воспоминания и характеристики) / сост. и авт. вступ. сл. А. Л. Маковский. М., 2015. С. 202.

Логично утверждать, что «когда едины буква и дух закона, тогда мы получаем то же самое правильное право» (К. Нам)¹. Но в мире нет ни одного законодательства, которому удалось учесть все. Именно это и стало одним из катализаторов зарождения в начале XX в. в европейском договорном праве идеи о добросовестности, что сопровождалось, однако, критикой в адрес неопределенности, размытости общего требования вести себя по правилам «доброй совести», а также опасениями по поводу неограниченного произвола судов в этом вопросе.

У всякой системы правового регулирования имеются недостатки, поскольку невозможно предвидеть все ситуации в рамках нормативного кодифицированного права, особенно в те периоды, когда в обществе меняются устоявшиеся подходы, взгляды, ценности. Собственно, именно поэтому в России вслед за европейскими правопорядками оказался востребованным принцип добросовестности.

Российский правопорядок в настоящее время дорос до возможности предъявить к участникам оборота новое требование – требование добросовестного поведения. Любое изменение в законодательстве – это предпосылка для качественного обобщения исследованного, определения концептуальных вех соответствующего учения. Признаки такого глубинного подхода к изучению принципа добросовестности уже обозначились.

Российский законодатель намеревался закрепить обязанность действовать добросовестно еще до революционных событий – в проекте Гражданского уложения. От этого требования не отказались и составители дореволюционного Проекта обязательственного права, указав, что «договоры должны быть изъясняемы по точному их смыслу, по доброй совести и намерению лиц, их заключавших» (ст. 72), и что «должник обязан исполнить свое обязательство добросовестно и согласно принятому в деловых отношениях порядку» (ст. 78)².

На протяжении всего XX в., особенно во второй его половине, судебная практика большинства европейских правопорядков не без участия науки стремилась выработать критерии применения оговорки о добросовестности, обозначить границы такого применения и цели данной оговорки, неизменно выражая сомнения в ее определенности. И благодаря череде убедительных судебных решений европейская практика правоприменения сумела вывести большое число институтов из абстрактного правила о добросовестности (ч. 3 ст. 1134 Гражданского кодекса Франции, § 157, 242 Германского гражданского уложения, ч. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Швейцарии, ст. 1337, 1375 Гражданского кодекса Италии). С этого момента споры вокруг неопределенности оговорки о добросовестности потеряли напряжение, став частью размеренной научной полемики³.

Аналогичные воззрения возникли в российском договорном праве в XXI в. Но явление вышло за границы обязательственного права, приняв более масштабный характер. Принцип добросовестности сегодня – это основополагающий принцип гражданского права в целом, применение которого не ограничено какой-либо сферой. Подобное понимание диктует необходимость ответа на вопрос о том, о каком явлении идет речь – нравственном или чисто юридическом – и как принцип добросовестности соотносится со смыслом гражданского законодательства.

¹ Аносов М. Указ. соч.

² Цит. по: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 259.

³ Schmidt M. Konkretisierung von Generalklauseln im europäischen Privatrecht. Berlin, 2009. S. 116–120; Stempel Ch. Treu und Glauben im Unionsprivatrecht. Tübingen, 2016. S. 366; Zimmerman R., Whittaker S., Bussani M. Good Faith in European Contract Law. Cambridge, 2000; Alpa G., Zeno-Zencovich V. Italian Private Law. Abingdon; N. Y., 2007. P. 76, 152–153.

Поскольку законодатель закрепил принцип добросовестности в качестве основного начала гражданского законодательства, нужно, как представляется, вести речь о юридическом явлении. Однако доктрине не удается прийти в этом вопросе к единому мнению. Неизвестно, обусловлено ли появление принципа добросовестности в праве исключительно стремлением идти навстречу требованиям морали и справедливости или иными причинами, например уходом от формализма и буквальности правовых установлений.

В постсоветском праве, когда законодатель задумался о необходимости закрепления данного требования, изначальный взгляд на добросовестность имел значительный этический оттенок. Разработчики Концепции развития гражданского законодательства¹ рассматривали добросовестность как «меру, направленную на укрепление нравственных начал гражданско-правового регулирования». Но нравственный аспект добросовестности начал угасать с разработкой проекта Концепции общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации², а в литературе заявлялось о необходимости различать лингвистическое (общесоциальное) понимание добросовестности, опирающееся на грамматическую интерпретацию и морально-этические начала, и формально-юридическое представление о добросовестности, основанное на достижениях юридической доктрины и законодательном решении³.

Мнение о том, что добросовестность как явление, учитываемое нормами права, все же несет на себе сугубо нравственный оттенок, тем не менее существует (хоть и не является господствующим), внося, как представляется, излишнюю субъективность в содержание принципа добросовестности в гражданском праве и нарушая, в числе прочего, его генетическую связь с таким феноменом, как «смысл законодательства».

Принцип добросовестности опирается на законы гражданско-правовой реальности, которая основана не на нравственности как таковой, а на равенстве участников гражданского правоотношения и свободе их волеизъявления. Поэтому истине в большей степени соответствует точка зрения о том, что «добросовестность – это не об этике. Добрая совесть относится непосредственно к праву, эта норма построена на правовом принципе формального равенства»⁴. Нельзя в связи с этим не согласиться с жестко сформулированным, но справедливым утверждением о том, что «для целей правоприменения понятие добросовестности не имеет содержания, отличного от правового. Защита добросовестности – это не защита нравственного идеала, а защита доверия в обороте. Применение принципа добросовестности должно быть основано на объективных стандартах. Это утверждение касается и так называемой субъективной добросовестности („не знал и не должен был знать“). Отсутствие единых правил добросовестности опасно для общества»⁵.

Опасность заключает в себе как раз понимание добросовестности в гражданском праве как нравственного, а значит, психологического явления. В этом случае задача правоприменителя должна будет состоять в оценке последствий реализа-

¹ Одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.

² URL: <http://privlaw.ru/soviet-po-kodifikacii/conceptions/konceptsiya7> (дата обращения: 15.07.2019).

³ Рыженков А. Я. Принцип добросовестности в обновленном гражданском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3. С. 68–71.

⁴ Дождев Д. В. Указ. соч.

⁵ Рассказова Н. Ю. Панельная сессия VII Международного Петербургского экономического форума 22 мая 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

ции гражданских прав с нравственных, а не правовых позиций. Однако в праве все иначе: лицо, предполагающее добросовестность контрагента, выражает согласие с нормами права, а не с предписаниями нравственности, ожидая от правоприменителя тех последствий недобросовестности, которые предусмотрены законом, а не нравственными установлениями. Кроме того, если согласиться с тем, что принцип добросовестности в гражданском праве имеет исключительно нравственное наполнение, то этот принцип будет искусственно выделен из системы основных начал, сформированной законодателем. Нужно исходить из того, что добросовестность – это законное, а не нравственное явление, что напрямую следует из п. 3 ст. 1 ГК РФ.

В доктрине ставится также вопрос об определении добросовестности в праве или обозначении ее критериев¹. Как представляется, актуальность этого вопроса пойдет на убыль, если добросовестность связать с ролью самого права. Тогда станут прозрачными критерии принципа добросовестности: действие без нарушения прав и свобод других лиц, соответствие намерений совершаемым действиям. Добросовестность в праве будет означать согласование поведения с нормами действующего права.

Фактическое исключение категории «смысл законодательства» из числа рабочих инструментов правоприменителя, а также отсутствие принципа добросовестности не позволяли правоприменителю в полном объеме оценить, являются ли действия по осуществлению гражданских прав противоправными или непротивоправными. Появление принципа добросовестности в числе основных начал гражданского законодательства привнесло много оттенков в определение правомерного и неправомерного поведения. Было установлено, что правомерным или неправомерным может быть как добросовестное, так и недобросовестное поведение.

Это потребовало от законодателя последовательной увязки общих правил о добросовестности с другими нормами, размещенными в разд. I «Общие положения» ГК РФ. В связи с этим был скорректирован текст ст. 10 ГК РФ. Цель этих изменений – разрешение вопроса о соотношении принципа добросовестности и существовавшего с 1995 г. в ст. 10 ГК РФ запрета на злоупотребление правом. Как следует из обновленной нормы ст. 10 ГК РФ, отныне злоупотребление правом есть недобросовестное осуществление права.

Вместе с тем гражданское право различает три разновидности неправомерного поведения, признаваемого злоупотребительным: шикана в виде действий, связанных с намерением причинить вред другому лицу; обход закона как поведение, формально не нарушающее закон, но сопровождаемое попытками использовать недостатки (неточности, неясности) нормы; заведомо недобросовестное поведение. Это означает, что понятия недобросовестного и злоупотребительного поведения не являются тождественными, как это принято выводить из положений ст. 10 ГК РФ. Лишь одна из форм злоупотребления правом соотносится с добросовестностью – заведомо недобросовестное поведение лица.

Для понимания того, когда следует привлекать положения ст. 10 ГК РФ, важно помнить, что принцип добросовестности распространяется на поведение участников оборота при: а) установлении прав и обязанностей; б) приобретении прав и обязанностей; в) осуществлении прав и исполнении обязанностей; г) защите прав. К конструкции злоупотребления правом как запрещенного приема при осу-

¹ См., например: Попов В. С., Кожевников К. А. О причине, препятствующей решению проблемы добросовестности в гражданском праве // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 77.

щественности гражданских прав правоприменитель прибегает в тех случаях, когда речь идет о защите права лица в суде. Смысл законодательства здесь таков, что законодатель наделил правоприменителя возможностью реализовать принцип добросовестности, разрешая ему отказать истцу в защите того права, при реализации которого лицо заведомо вышло за рамки принципа добросовестности.

Подобный опыт нашел отражение и в процессуальном законодательстве путем закрепления в ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса РФ правила о возможности наступления негативных последствий в случае злоупотребления процессуальными правами и недобросовестного процессуального поведения. Общую законодательную цель такого установления прокомментировала Т. В. Соловьева: «Кто в „серой“ зоне, четко не урегулированной законом, действует добросовестно, тот считается соблюдающим закон, а тот, кто действует недобросовестно, тот считается нарушителем этого закона»¹.

Итак, основное содержание принципа добросовестности состоит в необходимости действовать по праву, не нарушая права других лиц и не покушаясь на общее благо.

Причин непростого вхождения начала добросовестности в гражданско-правовую действительность немало. Но очевидно, что это не основание для очередного упрека в адрес законодателя, не давшего определение этого принципа или даже не обозначившего его критерии. В каждом из принципов по законодательному замыслу заложена собственная идея, которую надлежит увидеть уже правоприменителю исходя из фактических обстоятельств рассматриваемого спора и смысла гражданского законодательства. Законодатель придал принципам характер норм с открытой регламентацией.

До окончательной имплементации принципа добросовестности в гражданско-правовую действительность пройдет, как представляется, достаточное количество времени, а правоприменителю надлежит решить еще немало задач, в числе которых – создание понятного и доктринально единообразного соотношения общих норм о добросовестности со специальными нормами; разработка адекватного и по возможности всеохватного учения о субъективной добросовестности (что должно дать возможность высшей судебной инстанции обобщать судебную практику без исключения этого понятия из оборота); формулирование критериев процессуального поведения судьи. Но главное сделано: легальное закрепление добросовестности в качестве принципа дало импульс для доктринальных разработок и дискуссий в сфере правоприменения, имеющих целью формирование адекватного современной правовой действительности гражданского оборота.

Список литературы

Аносов М. Когда добросовестность подменяет закон: статья 10 ГК РФ в правоприменении // ЭЖ-Юрист. 2019. № 32. URL: <https://www.eg-online.ru/article/404501> (дата обращения: 15.07.2019).

Бевзенко Р. С. Принцип добросовестности в гражданском праве России в свете реформы гражданского законодательства // Летняя школа мастеров МГУ. Принцип добросовестности в гражданском праве России в свете реформы Гражданского кодекса. 2016. 26 авг. URL: <http://lfacademy.ru/lfacademy/course/46725> (дата обращения: 15.07.2019).

Берлин А. Добросовестность в гражданском праве // ЭЖ-Юрист. 2017. № 17–18. URL: <https://www.eg-online.ru/article/343114/> (дата обращения: 15.07.2019).

Берлин А. Я. Критерий добросовестности в судебной практике в свете п. 1 Постановления Пленума ВС РФ № 25 // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 1.

¹ *Соловьева Т. В.* К вопросу о добросовестном поведении в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 65.

Винавер М. М. Из области цивилистики. Недавнее (воспоминания и характеристики) / сост. и авт. вступ. сл. А. Л. Маковский. М., 2015.

Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (1923 г.). Памятники права // Вестник Московского государственного университета им. О. Н. Кутафина. 2015. № 3.

Дождев Д. В. Совершенствование правоприменения новой части Гражданского кодекса: общие принципы в теории и судебной практике. 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Егоров А. В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal insight. 2013. № 2.

Коновалов А. В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4.

Латинские юридические изречения / сост. Е. И. Темнов. М., 2003.

Нам К. В. Принцип добросовестности: система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. № 1.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.

Попов В. С., Кожевников К. А. О причине, препятствующей решению проблемы добросовестности в гражданском праве // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3.

Рассказова Н. Ю. Панельная сессия VII Международного Петербургского экономического форума 22 мая 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Рыженков А. Я. Принцип добросовестности в обновленном гражданском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3.

Соловьева Т. В. К вопросу о добросовестном поведении в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4.

Шикин С. А., Павлова К. П. Принцип добросовестности (bona fides) в корпоративных правоотношениях // Россия и мир в поисках новых решений: экономика, право, гуманитарные науки: докл. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Ф. Л. Шарова. М., 2017.

Alpa G., Zeno-Zencovich V. Italian Private Law. Abingdon; N. Y., 2007.

Schmidt M. Konkretisierung von Generalklauseln im europäischen Privatrecht. Berlin, 2009.

Stempel Ch. Treu und Glauben im Unionsprivatrecht. Tübingen, 2016.

Zimmerman R., Whittaker S., Bussani M. Good Faith in European Contract Law. Cambridge, 2000.